

Научная статья

УДК 82-145(47+57)

DOI: <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2024.58.3.08>

Поэзия мысли Е. А. Баратынского и русская философия всеединства: некоторые заметки

Олег Викторович Марченко^{1,2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская площадь, 6, Москва 125047, Российская Федерация

² Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского,
ул. Большая Никитская, 13/6, Москва 125009, Российская Федерация
o.v.marchenko@mail.ru✉

Аннотация: Статья продолжает серию работ автора, где он рассматривает ряд концептов, философем, метафор и символов, присущих отечественной философской и художественной традиции. Рассмотрение это осуществляется в тесной связи с историей европейской художественно-философской культуры. В данном случае автор исследует несколько образов и символов, присущих как метафизике всеединства, так и русской поэзии мысли. Речь идет об онтологической модели «пирамиды света и тьмы», которая возникает в рамках платонической и неоплатонической традиций и весьма распространена в европейской культуре. В ряде случаев она связана с темой апокатастасиса, особенно если говорить о метафизике всеединства. Автор рассматривает вышеобозначенные темы, обращаясь к художественному миру Е. А. Баратынского, А. А. Блока, Андрея Белого, Ф. М. Достоевского, а также философским построениям Николая Кузанского, В. С. Соловьёва, Л. П. Карсавина, А. Ф. Лосева. Вступительные страницы знаменитого сочинения Жозефа де Местра «Санкт-Петербургские вечера» и фундаментальная теория цвета Гёте подчеркивают степень распространенности исследуемых тем в европейской культуре. Автор рассматривает заявленную проблематику, используя материал из сферы философии, богословия, художественной литературы, истории изобразительного искусства.

Ключевые слова: русская поэзия мысли, метафизика всеединства, пирамида света и тьмы, Е. А. Баратынский, Жозеф де Местр, Николай Кузанский, В. С. Соловьёв, А. А. Блок, Андрей Белый, Л. П. Карсавин, А. Ф. Лосев, Ф. М. Достоевский

Для цитирования: *Марченко О. В.* Поэзия мысли Е. А. Баратынского и русская философия всеединства: некоторые заметки // Научный вестник Московской консерватории. Том 15. Выпуск 3 (сентябрь 2024). С. 500–507. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2024.58.3.08>.

Research article

Poetry of Thought by E. A. Baratynsky and the Russian Philosophy of Unity: Some Notes

Oleg V. Marchenko^{1,2}

¹ Russian State University for the Humanities,
Miusskaya sq. 6, Moscow, 125047, Russia

² Tchaikovsky Moscow State Conservatory,
13/6 Bolshaya Nikitskaya St., Moscow 125009, Russia
o.v.marchenko@mail.ru✉

Abstract: The article continues the author's series of works, where he examines a number of concepts, philosophemes, metaphors and symbols inherent in the Russian philosophical and artistic tradition. This consideration is carried out in close connection with the history of European artistic and philosophical culture. In this case, the author explores several images and symbols inherent in both the metaphysics of unity and the Russian poetry of thought. We are talking about the ontological model of the "pyramid of light and darkness", which arises within the framework of Platonic and Neoplatonic traditions and is very common in European culture. In some cases, it is connected with the theme of apocatastasis, especially if we talk about the metaphysics of unity. The author examines the above-mentioned topics, referring to the artistic world of E. A. Baratynsky, A. A. Blok, Andrei Bely, F. M. Dostoevsky, as well as the philosophical constructions of Nikolai Kuzansky, V. S. Solovyov, L. P. Karsavin, A. F. Losev. The introductory pages of Joseph de Maistre's famous essay "St. Petersburg Evenings" and Goethe's fundamental theory of color emphasize the degree of prevalence of the studied topics in European culture. The author examines the stated problems using material from the fields of philosophy, theology, fiction, and the history of fine arts.

Keywords: Russian poetry of thought, metaphysics of unity, pyramid of light and darkness, Evgeny Baratynsky, Joseph de Maistre, Nikolai Kuzansky, Vladimir Solovyov, Alexander Blok, Andrey Bely, Lev Karsavin, Alexey Losev, Fyodor Dostoevsky

For citation: Marchenko, Oleg V. 2024. "Poetry of Thought by E. A. Baratynsky and the Russian Philosophy of Unity: Some Notes." *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 15, no. 3 (September): 500–07. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2024.58.3.08>.

В предлагаемых заметках речь пойдет о некоторых образно-символических конструкциях, присутствующих как в поэзии мысли Е. А. Баратынского, художественных мирах А. А. Блока, Андрея Белого, так и в онтологических построениях В. С. Соловьёва и Л. П. Карсавина, представителей метафизики всеединства¹.

¹ Поэзия мысли Е. А. Баратынского в точной и емкой характеристике Д. И. Святополк-Мирского: «Настоящий <...> Баратынский возникал в <...> лирике, основанной на эмоциях, вызванных не личной жизнью, а размышлениями над судьбой своей и "человечества". <...> Интеллектуальный характер этой лирики определяется двумя моментами: во-первых, исходная точка — всегда логически определенная мысль, легко выразимая в понятиях; во-вторых, конструкция стихотворения всегда строго логична, совершенно параллельна развертыванию понятия. <...> Никакими моментами «музыкальной» композиции, никаким самодвижением образов эта логическая конструкция не осложнена. Но, будучи насквозь интеллектуальна, зрелая лирика Баратынского отнюдь не рассудочна, и этим она качественно отличается от его ранней лирики. Мысль и ее логическое движение насквозь пронизаны эмоцией, "сильным и глубоким чувством» [17, 230, 245].

Санкт-Петербург, июль 1809 года, около девяти часов вечера одного из самых жарких дней. Схваченная гранитом набережных могучая Нева несет меж плоских зеленых островов к морю свои обильные воды. Вверх по течению неторопливо поднимается лодка, в которой, помимо гребцов, трое: Граф, тайный советник Т*** — член Санкт-Петербургского Сената, и молодой француз, кавалер Б***. Лучи окруженного красноватой дымкой солнца, медленно уходящего, словно не желающего расставаться с землей, огромным пожаром отражаются в окнах многочисленных дворцов. Замирает в отдалении беспорядочный шум города, сквозь блестящие облака струится мягкое сияние золотистых сумерек, смешение света и мрака созидает прозрачное покрывало, простирающееся над водой и сушей. Время тающих белых ночей — прекрасное, чарующее время в Санкт-Петербурге. Способны ли злые и порочные люди наслаждаться подобным великолепием? — внезапно спрашивает Кавалер, озадачивая своих старших спутников многообещающей темой для исследования.

Так начинаются знаменитые «Санкт-Петербургские вечера» (Париж, 1821) Жозефа де Местра, автора читаемого и почитаемого (не говоря уже о П. Я. Чаадаеве, к примеру, название работы Л. П. Карсавина *Noctes Petropolitanae* (Петроград, 1922) — именно от «Санкт-Петербургских вечеров») (см.: [11, 12])

Смешение *света и мрака*, особо акцентированное повествователем, приводит на память онтологическую конструкцию, именуемую *пирамида света и тьмы*. Классическое ее описание находим у Николая Кузанского, столь любимого русскими представителями метафизики всеединства. В работе «О предположениях» (ок. 1444) знаменитый неоплатоник, образцовый метафизик всеединства (!) разъясняет: «...Представь себе единство неким формирующим светом, а также подобием первого единства; инаковость же — тенью, отпадением от первого простейшего единства, материальной плотностью. Вообрази пирамиду света проникшей во тьму, пирамиду же тьмы — вошедшей в свет и своди всё, что можно исследовать, к этой фигуре, чтобы с помощью наглядного руководства ты смог обратить свое предположение на скрытое, дабы, опираясь на пример, ты увидел Вселенную, сведенную к нижеследующей фигуре. Обрати внимание на то, что бог, будучи единством, представляет собой как бы основание [пирамиды] света; основание же [пирамиды] тьмы есть как бы ничто. Поэтому, как ты наглядно видишь, высший мир изобилует светом, но не лишен тьмы, хотя тьма кажется исчезнувшей в свете из-за его простоты. В низшем мире, напротив, царит тьма, хотя он не совсем без света; однако фигура обнаруживает, что этот свет во тьме скорее скрыт, чем проявлен. В среднем мире соответственно средние свойства...» [8, 206–207].

В относительно недавнее время описание *пирамиды света и тьмы* дает А. Ф. Лосев в своей «Философии имени» (1923–1927): «Представим себе сущее как свет. Тогда меон будет тьмой. Это — основная интуиция, лежащая в глубине всех разумных определений. <...> Определение сущего начинается с той поры, как только свет смысла и тьма бессмыслия вступят во взаимоотношение, точнее, во взаимоопределение. Тогда получится некий вид, или идея, некий образ, представляющий собою разделение абсолютного света на те или другие оформления. <...> В свете рождаются некоторые определенные образы. <...> Однако в световом образе не может быть *только* тот свет, который через участие тьмы является определенно оформленным. Как свет в образе, он — во взаимоопределении со тьмою, но, чтобы быть таким, он должен быть, прежде всего, сам по себе. Ведь свет взаимоопределения — всегда

разный, — в меру многообразия световых оформлений. Уже одно это разнообразие указывает на некое единство, *не участвующее* во многообразии. <...> Аналогичное рассуждение должно привести и к независимости в деятельности тьмы, когда она участвует во взаимоопределении с светом. <...> Итак, свет и тьма, именно для того, чтобы во взаимоопределенном образе быть так-то и так-то определенными, должны оставаться абсолютным светом и абсолютной тьмой, без какого бы то ни было оформления и определения» [9, 48, 49] (курсив А. Ф. Лосева. — О. М.).

Будучи создана в рамках платонически-неоплатонической онтологии, *пирамида света и тьмы* в качестве художественного образа весьма распространена в европейской культуре. Если же говорить о России, можно вспомнить, к примеру, стихотворение В. С. Соловьёва «Мы сошлись с тобой недаром...» (1892), знаменитую последнюю строфу:

Свет из тьмы. Над черной глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих,
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их [18, 92].

Та же *пирамида света и тьмы* является центральным образом и у А. А. Блока (1912):

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.
Таков наш безначальный мир.
Сей конус — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эфир
Планета плавит золотая.
И мне страшны, любовь моя
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия [3, 133].

Онтологическая модель *пирамида света и тьмы* прекрасно согласуется с темой апокатастасиса, открыто появляющейся в завершающих строках «Кризиса западной философии» Соловьёва², и прикровенно — в цитированном выше стихотворении Блока (см.: [14, 147–157; 15]).

² «...Абсолютным началом признана ведь не абстрактная сущность, не *пустое единство*, а конкретный всеединый, *всеобъемлющий, дух*, который не относится отрицательно к другому, к частному бытию, а, напротив, сам его полагает; поэтому в конце мирового процесса снятие наличной действительности есть уничтожение не самого частного бытия, а только его *исключительного самоутверждения*, его внешней особенности и отдельности; это есть уничтожение не мира явлений вообще, а только явлений вещественных, механических, того чудовищного признака мертвой внешней реальности, вещественной отдельности, — призрака, который в сфере теоретической уже исчез перед светом философского идеализма, в сфере же практической действительности исчезнет в завершении мирового процесса. Последний конец всего есть, таким образом, не нирвана, а, напротив, *ἀποκατάστασις τῶν πάντων* — царство духа как полное проявление всеединого» [19, 120–121].

Пирамида света и тьмы гармонирует и с учением И. В. Гёте о цвете, которое отстаивает, со ссылкой на Плотина, Андрей Белый в «Путевых заметках» (1910), в главах о Сицилии. Согласно учению Гёте, принципиально отличном от концепции цвета Исаака Ньютона, «все физические цвета <...> могут быть выведены из одного простого и значительного феномена, который имеет место всякий раз, когда свет или тьма действуют сквозь мутную среду либо на наш глаз, либо на помещенную с противоположной стороны поверхность» [16, 313]. Поэтому Андрей Белый описывает ошеломившую его палермитанскую и монреальскую мозаику не как цветопись, а именно как светопись, *пирамиду света и тьмы*, предлагая читателю настоящее богословие света³.

Чрезвычайно впечатляюще исследование света и тьмы, проникающей в свет, предложено упомянутым уже Л. П. Карсавиным. Работая недавно над небольшим комментарием к переизданию книги Вячеслава Иванова «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932) [5, 409], я обратился к некоторым сочинениям Карсавина. Один из крупнейших представителей отечественной метафизики всеединства, знаток Николая Кузанского и Достоевского, автор, кстати, превосходной статьи о Ж. де Местре (1920), Карсавин в 1921 году публикует работу «Федор Павлович Карамазов как идеолог любви» [6]⁴. «Странная затея — искать идеологию любви в Федоре Павловиче Карамазове. <...> ...Слишком уже ясен и отталкивает образ грязного сладострастника. <...> Заслуживает ли его похоть имени любви?» — задается вопросом русский философ. Но далее утверждает: «От клейких слов и наглого хихиканья [Федора Павловича] веет чем-то глубоко пронизающим в самое природу любви. И прежде всего — Федор Павлович видит то, чего не видят другие, улавливает неповторимо-индивидуальное» [6, 264]. И это свойство Федора Павловича передается сыну, Дмитрию Федоровичу, сопернику старого сладострастника: «У Грушеньки, шельмы, есть такой один изгиб тела, он и на ножке у ней отразился, даже в пальчике-мизинчике на левой ножке отозвался» [4, 109]. И далее Карсавин дает парадоксальный ответ:

«Как в зеркале вогнутом, в карамазовской любви отражается все-единая любовь. Ее черты искажены, но это все-таки ее черты» [5, 272].

С полнейшей определенностью тема решается в работе Карсавина «Достоевский и католичество» (1922):

«...Смысл жизни человечества на земле, начало и цель ее — любовно-религиозное единение с Христом каждого и всех, единство всех и всего во Христе. Это не единство немногих, неприемлемое и непереносное для религиозного чувства, а единство всех; не единство отвлеченно-духовное, но — целостное, включающее в себя всё: и клейкие листочки, и дорогие могилы, и голубое небо,

³ «Бог — свет; свет не может не слать лучей во тьму; проникая ее, преломляется краскою; гамма цветов показывает пространство пробега лучей, или вестников света, от Бога до нас; лучи ангелы: вестники света. А тьма есть граница: она доказует, что здесь прекращается странствие светов от света; граница — материя; формы в материи нет; она — вязкая неоформленность; формы суть краски: божественные формы; воистину: тьма иль материя — зеркало светлых духовных веществ; из плотиновой постановки вопроса о свете фантазия красок встает; так что — синее, красное, желтое, только — этапы духовного странствия, центры вселенной, иль — галы» [2, 81]. См. об этом: [13, 81–92].

⁴ 1-е изд.: Начала. Журнал истории литературы и истории общественности. 1921. № 1. С. 34–50; в несколько сокращенном виде работа вошла в его *Noctes Petropolitanae*.

и любимую женщину. В нем должны найтись место и радость и для Свидригайлова, и для Федора Павловича Карамазова, уже здесь на земле как-то приемлемого любовью старца Зосимы. Оно — единство со Христом и духа человеческого, и всей материи обоженной, Богоматери.

Всеединство не может быть отрицанием чего бы то ни было: в нем должно быть все, ибо только в этом случае оно в с е — е д и н с т в о. Значит, есть правда во всяком искании человечества» [7, 123–124].

Вся эта тематика во взаиморазличности моментов и в единособранности целого присутствует в десятистрочном стихотворении Евгения Абрамовича Баратынского (1839), к которому наше повествование неторопливо и подвело, и которое в ином случае ко всему вышеизложенному послужило бы скорее эпиграфом:

Благословен святое возвестивший!
 Но в глубине разврата не погиб
 Какой-нибудь несправедный изгиб
 Сердце людских пред нами обнаживший.
 Две области: сияния и тьмы
 Исследовать равно стремимся мы.
 Плод яблони со древа упадает:
 Закон небес постигнул человек!
 Так в дикий смысл порока посвящает
 Нас иногда один его намек [1, 193].

Использованная литература

1. *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений / вступ. ст. И. М. Тойбина; сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Л.: Советский писатель, 1989. 464 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
2. *Белый Андрей.* Путешествие по Средиземноморью. М.: Изд-во журнала «Москва», 2015. 639 с.
3. *Блок А. А.* Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 3: Стихотворения. Книга третья (1907–1916). М.: Наука, 1997. 994 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // Он же. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14: Братья Карамазовы. Книги 1–10. Л.: Наука, 1976. 514 с.
5. *Иванов В. И.* Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. 476 с.
6. *Карсавин Л. П.* Федор Павлович Карамазов как идеолог любви // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931: Сборник статей / сост. В. М. Борисов, А. Б. Рогинский. М.: Книга, 1990. С. 264–277.
7. *Карсавин Л. П.* Достоевский и католичество // Он же. Сочинения. М.: Раритет, 1993. С. 120–156.
8. *Кузанский Николай.* Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер., общ. ред. и вступит. статья З. А. Тажурзиной. М.: Мысль, 1979.
9. *Лосев А. Ф.* Философия имени // Он же. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 11–390.

10. Лосев А. Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях. В 2 т. / отв. ред., сост., вступит. статья, подгот. текста, коммент. Е. А. Тахо-Годи. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
11. Марченко О. Григорий Сковорода и Жозеф де Местр (об одном забытом сюжете) // *Slavica Litteraria*. 2008. № 1. С. 11–25.
12. Марченко О. В. *Fabulae selectae: К 60-летию моего дорогого друга Леонида Владимировича Ушкалова*. М.: Асхань, 2016.
13. Марченко О. В. Пути пилигрима: Италия Андрея Белого и Владимира Эрна // Символизм и поэтика пространства в творчестве Андрея Белого: Сборник статей / ред.-сост.: Дж. Джулиано, К. Кривеллер, М. Спивак, А. Фризон. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 81–92.
14. Марченко О. В. *Очерки по истории философии*. М.: МГУП, 2002. 252 с.
15. Марченко О. Сияние небытия (к вопросу о метафизике света и тьмы в русской философии и литературе XX века) // *Conversatoria Litteraria. Międzynarodowy Rocznik Naukowy*. Tom 9. Nr IX (2015): Свет и тьма в литературоведческом и философском осмыслении. С. 35–47.
16. Месяц С. В. Гёте и Ньютон. Спор о цвете // *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем*. Вып. 2 / отв. ред. М. С. Петрова. М.: Аквилон, 2014. С. 299–339.
17. Мирский Д. П. Баратынский // Он же. Статьи о литературе. М.: Художественная литература, 1997. С. 215–253.
18. Соловьёв В. С. Стихотворения и шуточные пьесы / вст. статья, сост. и примеч. З. Г. Минц. Л.: Советский писатель, 1974. 352 с.
19. Соловьёв В. С. Кризис западной философии (Против позитивистов) // Он же. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 3–138.

Получено: 2 июля 2024 года

Принято к публикации: 29 августа 2024 года

Об авторе:

Олег Викторович Марченко — доктор философии, профессор, профессор кафедры истории отечественной философии Российского государственного гуманитарного университета, профессор кафедры гуманитарных наук Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

References

1. Baratynsky, Evgeny A. 1989. *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. (In Russian).
2. Bely, Andrei. 2015. *Puteshestvie po Sredizemnomor'yu* [Travel to the Mediterranean]. Moscow: Publishing House of the Magazine "Moskva". (In Russian).
3. Blok, Alexander A. 1997. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 20 t.* [The Complete Collection of Writings and Letters in 20 Volumes], vol. 3: *Stikhotvoreniya. Kniga tret'ya (1907–1916)* [Poems. Book 3 (1907–1916)]. Moscow: Nauka. (In Russian).
4. Dostoevsky, Fyodor M. 1976. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works], in 30 vols., vol. 14: *Brat'ya Karamazovy. Knigi 1–10* [The Brothers Karamazov. Books 1–10]. Leningrad: Nauka. (In Russian).
5. Ivanov, Vyacheslav I. 2021. *Dostoevskiy: Tragediya — Mif — Mistika* [Dostoevsky: Tragedy — Myth — Mysticism]. Saint Petersburg: Pushkin House. (In Russian).
6. Karsavin, Lev P. 1990. "Fedor Pavlovich Karamazov kak ideolog lyubvi [Fyodor Pavlovich Karamazov as an Ideologist of Love]." *O Dostoevskom. Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoy*

- mysli 1881–1931* [About Dostoevsky. Dostoevsky's Creativity in Russian Thought, 1881–1931], collected articles, compiled by V. M. Borisov, Arseny B. Roginsky, 264–77. Moscow: Kniga. (In Russian).
7. Karsavin, Lev P. 1993. "Dostoevskiy i katolichestvo [Dostoevsky and Catholicism]." In Lev P. Karsavin. *Sochineniya* [Essays], 120–56. Moscow: Raritet. (In Russian).
 8. Nicholas of Cusa. 1979. *Sochineniya* [Essays], in 2 vols., vol. 1, edited by Zul'fiya A. Tazhurizina. Moscow: Mysl'. (In Russian).
 9. Losev, Alexei F. 1990. "Filosofiya imeni [The Philosophy of Name]." In Alexei F. Losev. *Iz rannikh proizvedeniy* [From the Early Works], 11–390. Moscow: Pravda. (In Russian).
 10. Losev, Alexei F. 2016. *Nikolay Kuzanskiy v perevodakh i kommentariyakh* [Nikolay Kuzansky in Translations and Comments], in 2 vols., compiled and edited by Elena A. Takho-Godi. Moscow: YASK. (In Russian).
 11. Marchenko, Oleg. 2008. "Grigoriy Skovoroda i Zhofez de Mestr (ob odnom zabytom syuzhete) [Grigory Skovoroda and Joseph de Maistre (about a Forgotten Plot)]." *Slavica Litteraria*, no. 1, 11–25. (In Russian).
 12. Marchenko, Oleg V. 2016. *Fabulae selectae*. Moscow: Askhan. (In Russian).
 13. Marchenko, Oleg V. 2019. "Puti piligrima: Italiya Andrey Belogo i Vladimira Erna [Pilgrim's Paths: Italy by Andrey Bely and Vladimir Ern]." In *Simvolizm i poetika prostranstva v tvorchestve Andrey Belogo* [Symbolism and Poetics of Space in the Works of Andrei Bely], collected articles, edited by Giuseppina Giuliano, Claudia Criveller, Monika Spivak, Anita Frison, 81–92. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian).
 14. Marchenko, Oleg V. 2002. *Ocherki po istorii filosofii* [Essays on the History of Philosophy]. Moscow: MGUP. (In Russian).
 15. Marchenko, Oleg. 2015. "Siyanie nebytiya (k voprosu o metafizike sveta i t'my v russkoy filosofii i literature 20 veka) [The Radiance of Nothingness (on the Question of the Metaphysics of Light and Darkness in Russian Philosophy and Literature of the 20th Century)]." *Conversatoria Litteraria. Miedzynarodowy Rocznik Naukowy* 9, no. 9: *Svet i t'ma v literaturovedcheskom i filozofskom osmyslenii* [Light and Darkness in Literary and Philosophical Understanding], 35–47. (In Russian).
 16. Mesyats, Svetlana V. 2014. "Gete i N'yuton. Spor o tsvete [Goethe and Newton. Color Dispute]." In *Intellektual'nye traditsii v proshlom i nastoyashchem* [Intellectual Traditions in the Past and Present], issue 2, edited by Maya S. Petrova, 299–339. Moscow: Akvilon. (In Russian).
 17. Mirsky, Dmitriy P. 1997. "Baratynskiy [Baratynsky]." In Dmitriy P. Mirsky. *Stat'i o literature* [Articles about Literature], 215–53. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
 18. Solovyov, Vladimir S. 1974. *Stikhotvoreniya i shutochnye p'esy* [Poems and Comic Plays]. Edited by Zara G. Mints. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. (In Russian).
 19. Solovyov, Vladimir S. 1988. *Krizis zapadnoy filosofii (Protiv pozitivistov)* [The Crisis of Western Philosophy: (Against the Positivists)]. In Vladimir S. Solovyov, *Sobranie sochineniy* [Collected Works], in 2 vols, vol. 2, 3–138. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Received: July 2, 2024

Accepted: August 29, 2024

Author's information:

Oleg V. Marchenko — Dr. Habil. (Philosophy), Full Professor, Professor of the Subdepartment of History of Russian Philosophy, Russian State University for the Humanities, Professor of the Subdepartment of Humanities, Tchaikovsky Moscow State Conservatory